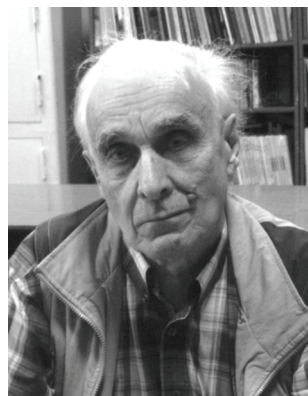

Игры с вечностью

Вадим МИХАНОВСКИЙ

В ЛУЧЕ ФИОЛЕТОВОМ И ЗОЛОТОМ

Сибирские этюды

ПОДВИЖНИЧЕСТВО

Шёл 1882 год. В Петербурге и Москве заканчивались закрытые судебные процессы над участниками нелегальной организации «Народная воля», борющейся с самодержавием. За убийство императора Александра II основные исполнители этого акта были приговорены к смертной казни. Остальные народолюбцы, за исключением тех, кто успел просочиться за рубеж, получили длительные сроки ссылки в Сибирь, некоторых приговорили к одиночному заключению в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях. Среди них был и редактор «Листка «Народной воли» Николай Морозов, будущий руководитель института физкультуры и спорта имени П.Ф. Лесгафта в Ленинграде...

В этот же самый год, но после окончания медицинского факультета Московского университета, в городе Каинске Томской губернии (ныне – Куйбышев Новосибирской области) появился сухощавый, небольшого роста, с живыми глазами, обрамлёнными массивными очками, новый окружной врач... Забегая вперёд, скажем, что они ещё встретятся на сибирской земле – Николай Александрович Морозов и Владислав Станиславович Пирусский. Но до той поры оставалось ещё три десятка лет.

За плечами у вчерашнего выпускни-

ка университета уже были частные уроки, которые он давал, будучи гимназистом, студенческие командировки на борьбу со скарлатиной и тифом. Он и сам переболел сыпняком и чуть не умер... Учился Владислав на так называемую сибирскую стипендию (с обязательной отработкой после учёбы в Сибири сроком от трёх до пяти лет). Из этого можно сделать вывод, что семья Пирусских жила небогато и Владиславу приходилось рассчитывать только на свои силы.

Н.Н. Баранский, Член-корреспондент АН СССР: «Я хорошо знал семью Пирусских... А Владислав был одной из самых оригинальных личностей, его помню с самого раннего моего детства. В студенческие годы, учась в университете, он давал уроки в семье графа Толстого. Дело кончилось тем, что графиня ушла от своего престарелого графа на студенческую мансарду к Пирусскому, где вместе стирали пелёнки своего первого сына...»

Баранский не указывает имени графа. Из других источников тоже пока не удаётся установить, к какой ветви принадлежал граф. Лишь в одной книжице вскользь упоминается дальний родственник писателя Алексея Николаевича Толстого... Но так ли уж важно это, в конце концов? В других воспоминаниях сообщается о некоей графине, сбежавшей к студенту. Значит, факт такой был, он неоспорим, по крайней мере – не выдуман.

Итак, заштатный городишко, один из старейших в Западной Сибири, основанный в двадцатые годы XVIII века... Один врач, один священник, один полицейский чин. «Все культ-силы города», – шутил, вспоминая об отце, его сын Владимир. По его же словам, отец говорил, что он не спился только потому, что сразу же по прибытии к службе объявил: «По состоянию здоровья не может выпить и рюмку водки». Это его и спасало.

Два с половиной года молодой врач колесил по округе, равной по площади Бельгии. Набирался опыта, иногда поднимал на ноги почти безнадежных больных, списанных местным фельдшером. Исподволь наблюдал за детворой, отмечая для себя, что всю долгую сибирскую зиму она редко появляется на улице: у большинства, в основном переселенцев, не было тёплой детской одежды, а в рабочих семьях дети рано приобщались к труду, зимний день короток – не до игрищ...

Переведясь в Томск на должность переселенческого врача, Пирусский довольно быстро завоевал авторитет не только у переселенцев, которым приходилось зачастую бескорыстно помогать, спасая детей от тяжёлых болезней, но и в среде коренных томичей. Они быстро распознали в нём доброту и отзывчивость.

А.М. Гулида, подполковник медслужбы, спортивный врач: «Воспитанный в демократическом духе, впитавший в себя всё лучшее из трудов К. Ушинского, Н. Пирогова, И. Сеченова, П. Лесгафта по вопросам трудового и физического воспитания, Пирусский сам стремился решать на практике наиболее важные вопросы санитарной гигиены, охраны здоровья и физического развития подрастающих поколений. Он искал применение этому непосредственно в школе, где условия, по его мнению, приводили детей «к длительной неподвижности».

Читая воспоминания о Пирусском людях, давно ушедших из жизни, невольно ловишь себя на том, что это трудно назвать воспоминаниями, скорее, это – дифирамбы его учеников и сподвижников своему учителю, мэтру. Восторгаясь его подвижничеством, целеустремлённостью и богатейшим практическим опытом не только в лечебной физкультуре, но и в пропагандистских способностях, они все отмечают любовь Пирусского к детям».

Всё это могло бы остаться набором словословия, если бы не время, в котором Пирусский жил и работал, находя в нём единомышленников. А он, лечащий врач, умел это делать в труднейших условиях, в которых прозябала Сибирь, оторванная бездорожием от всех культурных центров России. Железная дорога через это великое пространство только-только намечалась в кроках будущих чертежей. Что до Петербурга из Томска, что до Хабаровска расстояния измерялись в прогонах почтовых лошадей, которые сменялись на «ямах» через каждые 25 вёрст. В ту и в другую стороны затрачивалось на дорогу по полторы-две недели. А кандалы по этапу шли на восток по три-четыре месяца. Чуть меньший срок выпадал на долю переселенцев...

И вот в этих условиях молодой врач в глубине Сибири намечал планы и «пропагандировал принципы всестороннего развития и гармонического воспитания, основанного на совершенствовании духовных и физических сил подрастающих».

После долгой и упорной работы, выступлений на страницах газеты «Сибирская жизнь» Пирусскому удалось осуществить задуманное: в Томске 25 марта 1895 года было официально оформлено «Общество содействия физическому развитию». Подобные общества за два года до этого появились в Одессе и Петербурге. Вслед за Томском такое же общество открылось в Москве.

Как говорится, лиха беда – начало! Созданное Пирусским Общество уже в следующем году открывает для детей неимущих бесплатные спортивные площадки для игр, Сад трезвых развлечений, купальни, а зимой и катки. В народных школах представители Общества организуют гимнастические классы, для учащихся средних школ – курсы ручного труда. За собранные средства детям бедноты отпускаются бесплатные завтраки: меню самое неприхотливое – булочка, тарелка каши, стакан чая.

Все эти начинания необходимо было постоянно пропагандировать, стучаться в двери государственных учреждений, которые очень часто остаются глухи к любым просьбам. И Пирусский практически за свой счёт открывает в Томске газету «Здоровье для всех», а позднее – журнал под этим же названием... По примеру томичей в Омске, Барнауле,

Минусинске, Мариинске, Бердске, Новониколаевске, Ачинске, Иркутске и Хабаровске создаются общественные катки для детворы. А в 1898 году Обществом в пригороде Томска была открыта летняя «Басандайская оздоровительная колония для ослабленных детей...»

В.С. Пирусский: «Реализация задач Общества всегда наталкивается на отсутствие материальных средств. Именно в этом Обществе постоянно отказывало Министерство просвещения. А на обращение за помощью в Томскую городскую думу Обществу отвечали: «На обязанности города не лежит забота о всех хилых и слабых детях». Общество вынуждено было собирать мелкие пожертвования... Вот выписка из протокола ревизионной комиссии: Колпаков М. Д. – 25 руб., Д. Акулова – 3,5 рубля, А. Грановский – 1 руб., через нач. пароходства, инженера Стрижова – денн. сбор от 39 служащих – 18 руб., через редак. газеты «Сиб. жизнь» – 20 руб. 40 коп., от Томской управы – 200 руб... Кроме того, Общество пользовалось так называемыми сборами кружечными, устройством благотворительных вечеров, концертов, лотерей, продажей зелени и цветов...»

При всём этом, надо отметить, Владислав Станиславович «врачебную коммерцию» отрицал начисто. Жил он в двухэтажном доме: вверху помещалась семья, внизу – приёмная, кабинет, лаборатория. В передней у входа – ящик. В него пациенты опускали деньги по принципу «кто сколько может». Иногда ящик оставался пустым. По свидетельству приятеля детства Николая Баранского, «иначе всучить ему гонорар было невозможно, он очень сердился...» А старший сын Пирусского вспоминал: «...Бедняку на приём к доктору попасть было просто, а богачу приходилось изворачиваться, с этой целью купцы должны были жертвовать в Общество «кому сколько не жалко...» Так, купец 1-й гильдии Руксман внёс однажды в кассу Общества тысячу рублей. В дальнейшем Владислав Станиславович наблюдал его семью бесплатно...»

В. А. Обручев, академик АН СССР, исследователь Сибири: «Мы с ним часто встречались в первое десятилетие, вплоть до 1911 года. Я тогда занимал кафедру Томского технологического

института. А в период революции 1905 – 1907 годов был его директором. О деятельности Пирусского можно говорить много, в основном – в восторженном тоне. Он в то время руководил Обществом физического развития населения Сибири, а я возглавлял Томское общество изучения Сибири. Мы с ним часто «пересекались» на различных общественных мероприятиях, и оба сотрудничали с газетой «Сибирская жизнь», и оба имели репутацию «политически неблагонадёжных...» Позднее случайно столкнулся с ним в Москве. У меня только что вышла в издательстве книга «Земля Санникова», и я подарил один экземпляр Пирусскому с пожеланием: «Ищите и обряцете...».

В 1913 году на IV Съезде железнодорожных врачей в Петербурге, а он к тому времени, не бросая своих переселенцев, перешёл работать на железную дорогу, Пирусский выступил с докладом на тему «Об организации врачебно-санитарной части на строящихся железных дорогах». Доклад имел большой успех. Пирусскому предложили переехать в столицу и возглавить врачебно-санитарную часть Министерства. Но он ответил: «Не могу бросить сибиряков! Они верят мне...»

И он возвращается назад в Томск, собирает средства для строительства Дома физического развития. В нём должны разместиться специальные лаборатории, диагностический центр, спортивный зал. Известный строитель железной дороги в Сибири и моста в Новониколаевске Г.М. Будагов, сам последователь оздоровительных идей Лесгафта, а теперь и Пирусского, проектирует, а потом и помогает строить это здание. Жидкий ручеек пожертвований еле-еле позволяет энтузиастам удержаться на плаву... Их пытается поддерживать и писатель В.Я. Шишков, который прожил в Томске около 20 лет. Но, скажем так, писатель на Руси не купец 1-й гильдии. И, увы, не детективщик перестроечных времён начала XXI века в России. Тем не менее, как может, Вячеслав Яковлевич участвует в расширении подписки газеты «Здоровье для всех», пишет для неё короткие рассказы на злобу дня.

Этому предшествовала встреча Пирусского с Георгием Гребенщиковым, писателем и журналистом, который редактировал газету соседей «Жизнь Алтая» и часто наезжал в Томск.

– А вы попробуйте заказать Вячеславу Яковлевичу что-нибудь короткое для своего издания, – посоветовал Гребенщиков.

Шишков вскоре выполнил просьбу Пирусского... Надо сказать, в 10-томнике В. Я. Шишкова этих рассказов нет, как нет их и в «шутейных» повестях, вышедших в Новосибирске отдельным сборником в 1981 году под названием «Дикольче». Но две прибаутки здесь удалось найти, использованные Шишковым в газете Общества:

«...ну, сами вполне понимаете, что наша сторона, конечно, глухая, в лесу живём, пню молимся, левой ногой сморкаемся...» И дальше: «Скорым поездом по шпалам тихо ехал – ноги стёр...»

Кстати, эта особенность шишковского таланта очень нравилась Пирусскому. При встречах с ним он иногда просил рассказать «что-нибудь этакое». И Шишков со своим неистощимым юмором, наверное, не отказывал в просьбе.

Однажды, в одной из бесед с Гребенщиковым, Пирусский восторженно отметил один из рассказов в сборнике, который Шишков подарил ему, начертая: «Необузданному поляку...» Назывался этот рассказ «Весёлый бродяга» и посвящен был трагедии, случившейся в Томске в 1905 году. Черносотенцы подожгли здесь Народный театр и здание Управления железной дороги. Некий балагур Фомка по наущению полиции в это время орал: «Долой самодержавие!» И тут же вместе с черносотенцами бил студентов.

– Дремучее невежество и кровавый опыт слились в этом недоноске в одно целое. Это страшная смесь! – морщился Пирусский...

Он как в воду глядел: Дом физического развития – детище его и Будагова – был вскоре подожжен и частично взорван. Пострадало несколько человек. Кровавый опыт и дремучее невежество ходили в те суровые времена по Сибири рука об руку... Что противопоставить всему этому? Только ли примеры добрых дел? И Пирусский чётко формулирует основные задачи для единомышленников: «Пусть мы слабы и малочисленны, но нас не можно упрекнуть в том, что у нас не хватает смелости на добрый начин. Я верю, что искренняя любовь к маленькому человеку поможет нам создать то здание, в котором должны воспитываться зародыши разумного человека».

...Однажды генерал-губернатор Тобизен после одного из совещаний задержал у себя попечителя учебного округа господина Лаврентьева и главу Западно-Сибирского духовенства митрополита Макария. Губернатор задал им всего один вопрос: «Как они относятся к многосторонней деятельности врача Пирусского?»

– Каждой бочке затычка! – зло ответил Лаврентьев.

– Отвлекает паству от дел духовных! – вторил попечителю митрополит.

– Спасибо, господа! Я так и думал, – оживился вдруг губернатор, – таких, как он, необходимо загружать поручениями доверху.

– По самую маковку! – поддакнул губернатору отец Макарий.

А вскоре Тобизену пришлось вспомнить об этом разговоре. Совсем недавно, доложили ему, «сибирские радикалы, спасаясь от неистовства провинциальной цензуры», организовали в Петербурге газету «Сибирь». В ней был помещён ряд обличительных материалов, где рассказывалось о том, как «мрут переселенцы в тайге, к северу от Томска»... Министерство внутренних дел прислало на имя генерал-губернатора вырезки из газеты с этими сообщениями и предложило «расследовать и о последующем донести».

Для Тобизена такой оборот дела на подведомственной ему территории показался необычным. Старого чинушу не страшила министерская бумага, на его веку всякое бывало! Но вот почему вымирают переселенцы? Государство их поддержало, ссуды безвозмездно на обустройство выделило. Тут что-то не так... И губернатор принимает решение: послать надо разобраться на месте именно Пирусского, уважаемого всеми переселенцами.

– Вот, ознакомьтесь с материалами из столицы, – сказал Тобизен, оглядывая Пирусского, как будто видел того впервые. – У меня к вам просьба: съездите на тот «север от Томска», посмотрите, что можно сделать прямо на месте. И если возможно, примите меры незамедлительно.

Пирусский поехал и убедился в бедственном положении новосёллов, прозябающих в болотистой тайге. Распахивать земли там было бесполезно. Местные землеустроители, как это часто бывает, не удосужились осмотреть предназначенный к заселению участок.

Вот и поместили приезжих в неудобье. Хлеб там не рос, люди пухли с голода, толкли кору деревьев в похлёбку, вымирал от цинги и других болезней...

Вернувшись в Томск, Пирусский не пошёл на приём к губернатору, а сразу же принял за дело. Прежде всего он отправился по знакомым купцам. Он рассказал им о пожелании губернатора, о своей поездке в тайгу и сделал каждому из них определённые заказы, сообразуясь с обстановкой.

Отметим лишь, что нравы в Томске, хоть и в губернском городе, были всё ещё патриархальными, все друг друга знали, верили на слово, не вдаваясь в формальности. Пирусский давно слыл здесь «серьёзным господином». Да и как тут не выполнить губернаторское пожелание? Под момент, глядишь, доброе дело всегда зачтётся!..

Первым в этом списке стоял купец Родюков со своей крупчатой мельницей. Вместе с ним Пирусский прикинул, что до нового урожая надо бы дать по пуду муки на человека в месяц. И Родюков принял поручение отпустить продукты с доставкой на место и, главное, по себестоимости... Следующий визит Пирусский нанёс купцу Бронникову. Этот торговал салом, мясом, маслом и мылом... Одними из последних в этой очереди были подрядчики по постройке домов. С их помощью снаряжали несколько артелей плотников.

И в тайгу потянулись обозы с мукой, салом, мясом. Небольшие артели запаслись харчем на два месяца: необходимо было до холодов поставить около десятка срубов.

А через некоторое время к губернатору стали поступать какие-то непонятные счета для оплаты. Тобизен, пожилая плечами, отсылал их обратно в канцелярию с просьбой разобраться.

Канцелярия сама ничего не понимала и медлила с ответом. Наконец, поступил один счёт со ссылкой на Пирусского. Только тогда губернатору стало всё ясно. Он собрал все неоплаченные счета, прикинул сумму и пришёл в ужас: набиралось больше десяти тысяч рублей!..

Наутро Пирусский был немедленно вызван к губернатору:

– Что же вы наделали, кто будет это оплачивать? – потрясая пачкой счетов, гремел Тобизен. Крупный, массивный, в тесном мундире, он возвышался над Пирусским на целую голову. – Вы от-

даёте себе отчёт в содеянном?

– Отдаю, Ваше превосходительство. Вы призвали меня, а не казённого врача, поручили мне сделать всё возможное. Я это понял так, что вы решили в данном случае обойтись без казёнки, устроить дело быстро и по существу. Чего же было от меня ожидать? Да и дело уладилось быстро, без проволочек.

Тобизен оттянул пальцем тугой воротник мундира, покрутил головой и вздохнул:

– Но сумма-то, сумма! Загрузили вы меня «по самую маковку», как любит выражаться по такому поводу наш отец Макарий...

Некоторые биографы Пирусского, вспоминая об этом случае, почти в один голос заявляют, что губернатору в тот раз пришлось выделить изрядную толлику из сумм «на представительство», которые губернаторы расходовали, не отчитываясь ни перед кем... Что ж, можно лишь посоветовать на то, что и в наши дни «представительские расходы» оттягивают не такие уж и малые средства из городских и областных бюджетов. Власти меняются, традиции остаются. Добродетели вечны, как и пороки.

Н.Н. Бурденко, академик, нейрохирург, бывший ученик Пирусского: «Два года ровным счётом я не виделся с Вами. Вы мне нужны. Мне нужен Ваш совет, Ваше слово. Вы помните, я Вам сказал: «Я нашёл в Вас отца». От этого чувства я не могу отделаться...»

Надо полагать, знаменитый хирург, чьим именем назван военный госпиталь в Москве, звал своего учителя на работу к себе. Но учитель однажды сказал уже своё слово: «Не могу бросить своих сибиряков».

А жизнь шла своим чередом – в заботах, разъездах, помощи обездоленным. Владислав Станиславович долго вспоминал одну неожиданную встречу, к которой они оба шли три десятка лет. Бывший шлиссельбургский узник, о котором в России ходили легенды, изучивший за время сидения в камере-одиночке 14 языков, беседует в редакции томской газеты с Григорием Николаевичем Потаниным и Георгием Гребенщиковым. Пирусский приостановился в дверях редакторского кабинета. Николай Александрович Морозов легко встаёт из кресла и делает шаг навстречу. Оба с приветливыми

улыбками, сухощавые, с небогатой седой шевелюрой, быстрыми движениями рук, смыкают ладони в крепком рукопожатье.

– Рад познакомиться с сибирским Лесгафтом, слышан о вас! – неожиданным баском громыхнул Морозов. – Вы, кстати, похожи с Петром Францевичем, я встречался с ним незадолго до его кончины. Он при мне, знаете ли, в свои 70 лет десяток раз отжался от пола.

– К великому сожалению, мне встретиться с ним не удалось, – покачал головой Пирусский.

– Он у нас в вечных хлопотах, – улыбается Потанин.

Известный исследователь Центральной Азии и Сибири в свои восемьдесят лет выглядит на удивление молодо, бодро.

– И деятелен необыкновенно! – уточняет Гребенщиков. – Однажды вот губернатора на десять тысконок подвесил.

– Это как?

– А переселенцев за губернаторский счёт накормил и обогрел, – смеётся Потанин.

– И правильно сделал! – вновь громыхнул Морозов. – У нас ведь как? Одни за народ костями ложатся, другие только поток словес извергают. Этих, увы, большинство!..

Они долго проговорили в этот вечер на исходе бабьего лета. Небольшой дождик прибил уличную пыль. Из открытого редакционного окна тянуло благоуханным озоном и устоявшимся сеном из-за речки.

– Кстати, как эта речонка обзывается? – спросил Морозов.

– Басандайка.

– А вы знаете, я помню это название: читал о вашей Басандайской детской колонии. Она и сейчас действует?

– Нет, у нас сейчас упор на круглогодичные детские площадки. А колония помогла нам набраться опыта, просуществовала десять лет.

– У них сейчас, как в экспедициях: воздух, солнце, вода и путешествия для подрастающего поколения, – говорит Потанин. – И это хорошо!

– Главное, без особых затрат, – поддерживает разговор Гребенщиков.

– Так уж и без затрат! А харчи как, с неба падают, как манна небесная? – спрашивает Морозов у Пирусского.

– Трясём толстосумов и местные

учреждения, – вздыхает Пирусский. – Святое дело делаете! – гудит Морозов.

– Эти ухабы преодолимы. Нам бы вот институт физического воспитания открыть! – мечтательно произносит Пирусский.

– По типу нашего в Питере?

– Что-то в этом духе.

– Но это уже не от губернатора вашего зависит, которого вы так лихо объехали. В Министерстве на это сразу тоже не пойдут.

– А он своего всё равно добьётся, вот увидите! – уверен Потанин.

– И назовут это учебное заведение его именем, – улыбается Морозов.

– Не рано ли хороните меня? – смеётся Пирусский. – Институт именем Петра Францевича через несколько лет после его смерти назвали...

Встреча эта двух учёных, энтузиастов здорового образа жизни не прошла бесследно. Через пять лет в Томске откроется физкультурный институт, директором которого, завхозом и заведующим учебной частью станет Владислав Станиславович Пирусский.

А годом раньше Николай Александрович Морозов, набегавший в одиночке Шлиссельбурга «расстояние до луны», возглавит в Петрограде естественно-научный институт имени Лесгафта, ставший со временем кузницей многих российских чемпионов и олимпийцев.

В.С. Баранов, завкафедрой физвоспитания Новосибирского мединститута в 60-е годы XX века: «С установлением Советской власти мечта Пирусского осуществилась. В Томске в 1920 году был открыт институт физической культуры. В основу его были взяты планы организации учебного процесса Ленинградского и Московского инфизкультуртов. Институт был хорошо оснащён учебными пособиями, кабинетами, лабораториями, спортивными залами – в основном за счёт базы университета. В организации его приняли участие многие учёные местных высших учебных заведений. А когда по решению Сибревкома 12 мая 1920 года стали образовываться комитеты физической культуры, первым председателем физкультурного органа в Советской Сибири стал доктор медицины Владислав Станиславович Пирусский.

В это время неутомимому подвижнику шёл уже 63-й год. Бывший ученик

его, сделавший себе мировое имя в нейрохирургии, по-прежнему звал его в Москву. Пирусский отмалчивался. Надо было заниматься долгожданным детищем... И вдруг как снег на голову: телеграмма от Семашко, наркома здравоохранения республики. Узенькие полоски печатных букв заплясали в дрогнувшей руке.

Всего три строки правительственно-го сообщения перечёркивали то, к чему он стремился всю сознательную жизнь: «В силу сложившихся обстоятельств и невозможности перевести институт физической культуры на госснабжение...» Дальше ему не хотелось читать. Россия, как говорится, прирастала Сибирью, но ничего не давала взамен. Это было ему издавна знакомо... Чтобы другие не заметили выступивших слёз, он снял очки, протёр их, промокнув глаза платком, долго молчал. К нему давно уже пришло понимание, что есть вещи и события, от которых душа буквально хрипит, и это не выразить никакими словами...

Последние годы жизни Владислав Станиславович работал в Томском, а потом и в Иркутском институтах физических методов лечения. В это время им написаны десятки научных трудов по организации мото- и физиотерапии. Умер он в 1933 году. В томской газете «Красное Знамя» вышла его последняя статья: «Западная Сибирь должна иметь институт физической культуры!» Позднее такой институт был открыт в Омске.

Советское правительство высоко оценило долготелную работу Пирусского на поприще физиотерапии и физического развития подрастающих поколений. Ему было присвоено учёное звание профессора, персональная пенсия, вручена Почётная грамота РСФСР. Он был награждён орденом Красного Трудового Знамени РСФСР. В наше время этот орден – редчайший знак, потому что в 1928 году Постановлением ЦИК и СНК СССР был учреждён новый орден – Трудового Красного Знамени СССР. За предвоенные годы этой награды было удостоено более восьми тысяч человек, а прежним, российским орденом, за героический труд наградили 53 трудовых коллектива и около 700 новаторов производства и учёных.

Тем не менее, к величайшему сожалению, такому человеку, как Пирусский,

не нашлось места в универсальном Советском энциклопедическом словаре... Что ж, тот период был характерен тем, что в основном выбиралась эпоха, в список входили те, кто стоял во главе государства, и те, чьи имена были на слуху... Впрочем, бесспорных списков не бывает, как нет границы между исторической правдой и личным восприятием истории.

В ЛУЧЕ ФИОЛЕТОВОМ И ЗОЛОТОМ

Всё началось с телефонного звонка от человека, с которым я не виделся около десяти лет: «Ты всё ещё коллекционируешь свою белую гвардию?»

– Собираю биографии, Владимир Зиновьевич. И кое-что из этого публикую.

– Смотри-ка, узнал!..

В прошлом, в шестидесятые-семидесятые, был он одним из самых успешных газетчиков Новосибирска, работал в «Вечёрке», выдавал свои материалы под фамилией Виноградов. Потом вдруг покинул газету, в том числе и журналистику, подавшись на преподавательскую работу в институт связи, «остепенился», стал профессором, имел за плечами около дюжины научных публикаций... Пути наши с тех пор не пересекались. И вдруг этот звонок.

Между прочим, Владимир был единственным из журналистов, кто знал о моём пристрастии к собираванию материала о сибиряках, воевавших в Гражданскую войну на другой стороне, и об их потомках. У меня уже подобрался к тому времени изрядный материал, который позже был опубликован в журнале «Новосибирск» и вышел отдельной книгой под названием «След на тающем снегу»... Собрание подобной тематики в ту далёкую пору запретным уже не было, но, скажем так, и не поощрялось. Да и хлопотным оно было! Это сейчас в Интернете можно выловить любые сведения. Правда, проверить их затруднительно... А биографии попадались прелюбопытнейшие, – даже в своём трагическом исходе.

В обычных архивах такие поиски обрывались быстро, в спецхранах местных журналистов и писатели тоже редкими гостями были. Тем не менее, кое-что всё же удавалось извлечь, так сказать, «вопреки»...

Необходимо отметить, что года до 1929-го в издательствах Москвы и особенно Ленинграда печаталось многое из того, что позже было запрещено. Так, в издательстве «Прибой» выходили книги о жизни Махно, Колчака, Деникина, был издан дневник военного министра колчаковского правительства барона Будберга. В 1923 появилась книга с воспоминаниями начальника английского экспедиционного отряда в Сибири полковника Уорда. В 1926 году на суд читателей был представлен очень любопытный сборник И. Субботовского «Союзники, русские реакционеры и интервенция», на обложке которого значилось: *«Краткий обзор исключительно по официальным архивным документам бывшего колчаковского правительства с 77 рисунками и фотографиями в тексте».*

Словом, тонюсенький родничок на этой почве всё же проистекал. Но тираж изданий был минимален и книги эти сразу же после выхода становились библиографическими редкостями. Их практически невозможно было достать и на книжных развалах, даже на Кузнецком мосту в Москве – главной книжной барахолке страны.

Но вернёмся к телефонному звонку. Виноградов предложил мне встретиться с человеком, который около 14 лет мотался по пересыльным тюрьмам и лагерям Сибири и Дальнего Востока. Вся вина его заключалась только в том, что он был сыном офицера царской армии, проделавшего с остатками армии Колчака «ледяной поход» зимой 1919 – 1920 годов от Омска до сопки Маньчжурии. Тысячный отряд, состоявший сплошь из офицеров ударного батальона генерала Каппеля, торил свой путь на Восток в основном вдоль железной дороги, обходя большие поселения и узловые станции. В обозе отряда находилось около двух десятков ящиков – небольшая толика золотого запаса России. На всём протяжении пути приходилось отбиваться от партизан, своих союзничков-чехов, имевших виды на это золото, и от летучих конных разъездов 5-й Красной армии, наступавшей им на пятки.

Об этом ледяном походе практически ничего не известно в нашей литературе, да и в истории тоже. Сибирских глав в ней вообще мало, подробно описаны лишь сражения на юге России... Вот передо мной книга, изданная в Ка-

наде. Автор – поручик Добровольческой армии Василий Матасов. В более чем преклонном возрасте автор сумел обобщить сложный исторический материал, как он пишет, «...о борьбе за Россию после февраля 1918 года». Отдадим должное Матасову, подробно описавшему два кубанских похода на Москву, один из которых вошёл в историю как «Ледяной». В этом зимнем походе Добровольческая армия Деникина прошла около девятисот километров, но получила сокрушительный отпор и бежала под ударами регулярных частей Красной армии... Да, было холодно, на термометре минус 20, но частые поселения на юге России дают возможность обогреться, накормить хотя бы лошадей, привести в порядок одежду. Сравнить ли это с другим, сибирским «Ледяным походом», оставшимся без описания? Здесь в декабрьскую стужу 1919-го морозы доходили до пятидесяти градусов. Отбивающийся от неприятеля отряд с обледенелым трупом Каппеля (о смерти его после низложения Колчака не сообщается, он – последняя надежда и оплот белого воинства на восточной окраине России!). В этом поступке горстки офицеров видится что-то фатально-мистическое... Отряд неуклонно продвигается вперёд, ни с кем не общаясь. Пройдено уже около двух тысяч километров. Впереди – столько же.

...Владимир знакомит меня с плечистым седым человеком: аккуратно подстриженная бородка лопаточкой, редкая шевелюра только подчёркивает широкий мощный лоб.

– Вот, сын штабс-капитана Панина, вслед за отцом исходил и изъездил всю Сибирь.

– Только под конвоем, – чуть усмехается Панин.

Владимир продолжает: «Работал в одной из лагерных шарашек, о которых писал Солженицын... Такой экземпляр тебя устраивает?»

– Вы, Володя, рекомендуете меня словно коня на продажу, – смеётся Панин.

Они, чувствуется, немного приняли. Но на «ты» ещё не успели перейти: значит, только недавно встретились. Панин исподволь, оценивающе присматривается ко мне. Ему лет 60. Глаза с утяжелёнными веками подёрнуты какой-то непроницаемой дымкой, смотрят устало...

Мы с Дмитрием Михайловичем провели вместе два вечера, пока он находился в Новосибирске. Воспоминания его требовали глубокого осмысления. Всё услышанное лично для меня было неким прорывом в то неизведанное, ошеломляюще новое, к чему на ту пору я ещё не был готов. А через какое-то время вдруг читаю в «Известиях» статью о Панине, о его так называемой христианской физике. Из газеты узнаю и о смерти Дмитрия Михайловича во Франции, куда он переехал на постоянное жительство. Тогда, в Новосибирске, он искал встречи с академиком Влаилем Казначеевым. К сожалению, академика в городе не оказалось, он уехал на какой-то симпозиум. С помощью Владимира Панину удалось свидеться с кем-то из учеников Казначеева...

Потом на протяжении доброго десятка лет пытался я подступиться к материалу об этом удивительном человеке, но всё как-то «не вытанцовывалось», не находился стержень, тот шампур, на который можно было бы нанизать задуманное... В этот период в журнале «Новосибирск» у меня появились первые материалы о малоизвестных, почти забытых людях, судьбы которых так или иначе были связаны с Сибирью. Чуть позже родился и общий подзаголовок – «Сибирские этюды», а с ним и уверенность: вот он, искомый стержень!

В ЛАБИРИНТАХ ПОЗНАНИЯ

Людей, подобных Дмитрию Панину, наверное, всегда жжёт изнутри некий огонь неудовлетворённости собой. А если ещё и время подстёгивает, размышлять и колебаться, взвешивать и отчаиваться – это не для них. У Панина почти никогда не было этого периода «отпущенности, когда можно что-то отложить на потом, словом, каждый раз был только один выбор – выбрать самого себя. А потом упорно идти к намеченной цели, идти, как шёл в ту суровую пору отец почти через непреодолимое. Но там цель изжила себя во Владивостоке, когда они, кадровые офицеры русской армии, вдруг увидели чехов, отбывающих в своё отечество. Чехи беззастенчиво грузили на пароходы награбленное в России – станки уральских заводов, разобранные авиационные ангары, аэропланы, автомашины и тракторы, купленные Россией за золото. Некоторые из офицеров,

не выдержав гнусной картины, прямо на пристани подносили револьверы к виску...

Его арестовали в 1940 году. Дмитрий Панин, кандидат наук, работал под Москвой в одном из закрытых НИИ. Однажды ночью раздался громкий стук в дверь. А за окном, пофыркивая мотором, стоял «воронок».

Наверное, вжиться в мышление людей прошлых столетий почти невозможно, в их неповторимый космос – тем более: и пространство, и время были другими. Только вот природа человека остаётся, за малым исключением, почти неизменной. Да и инстинкты толпы – те же. Она, эта толпа, смиренно помалкивает, когда из неё, из самой середины, власть вырывает самых деятельных. Она, эта толпа, потом будет шушукаться, с оглядкой, на своих кухнях, «в три этажа» посылая эту власть куда подальше. А выйдет из дома и будет молчать...

С тех пор много воды утекло. Не хотелось бы думать, что канувшие дали забыты напрочь, забыты и ушли в историю, которую каждое следующее поколение, увы, знает всё хуже и хуже. И разговор этот не хотелось бы затевать, если бы не тот общий фон «новой жизни», ставший приемлемым для многочисленной оравы бездельников, надолго застрявших, вопреки здравому смыслу, в юном обличье... Разве секрет, что такие понятия, как «патриот», «честь», «отечество», в своём изначальном виде у нас поутратились, а если где-то ещё произносятся, то чаще всего далеко от Москвы? А на центральных каналах ТВ нам по-прежнему настойчиво, упорно «кажут» одну и ту же, увы, орущую, поющую, жующую бесполую толпу расхристанных особей, на которых не без интереса смотрит подрастающее поколение.

Нет, не хотелось бы думать, что все мы так быстро «отправили в корзину» своё недавнее прошлое, подменив его приторными легендами о чуть ли не идиллической царской семье, забитой «кожаными тужурками» на Урале, или о тех же первых наших правительственных комиссарах – вечно голодающих и недосыпающих...

Оно что, куда-то делось вековое наше лихолетье – голод, холод, постоянная неустроенность, зловеющая тень колючей проволоки, маячившая чуть ли не у каждого крыльца? Безусловно,

далеко не каждый может (да и хочет ли?) взирать на своё настоящее сквозь призму прошлого, тем более – связывать воедино звенья искусственно разорванной исторической цепи. Этому тоже надо учиться!

...Первая тюрьма на его скорбном пути находилась рядом со станцией метро «Новослободская» – знаменитая «Бутырка» со своей высокой стеной, растянувшейся на два квартала, со сводчатой башенкой вахты посередине. Там он впервые наслушался досыта «незаграждённой правды». А ещё позже, в томской пересылке пел вполголоса вместе с другими бедолагами:

*«О себе теперь мы не заботимся,
Жрём баланду вместо кислых щей.
Может быть, что кто-то и воротится
Из сибирских дальних лагерей...»*

Тюремная муза сурова и однообразна. Она вся сведена к ожиданию, надежде на лучшее. А музу эту, увы, ждали пересыльные баржи у берегов Оби и Енисея – к отправке из «живой России на Север неживой». Такой этап плыл до Дудинки целый месяц. А эшелон, скажем, Ленинград – Владивосток находился в пути три месяца.

Панин особо не распространялся о своей лагерной жизни, география которой захватывала почти «одни Севера». Он очень быстро оказывался в лагерных «шарашках», широко и подробно описанных Солженицыным. В каждой из них – на Магадане, в Воркуте ли, в Рыбинске – открывались своеобразные подобию НИИ. О себе старший из заключённых начальству неизменно докладывал: «Профессор такой-то, руководитель научно-технического общества, пятьдесят восьмая»... Статья 58-я, по которой был осуждён профессор как политический заключённый, предполагала солидный срок: не менее 10 лет...

– Иногда бывали случаи, которые и анекдотом назвать трудно, – вспоминал Дмитрий Михайлович, – Звонит начальник магаданского или другого сиблага, к примеру, в Воркуту: «В твоём хозяйстве не найдётся ли хороший бас, на худой конец – баритон? Меняю на нашего Менделеева, он тебе спирт хоть из старых шнурков выгонит. Есть, говоришь? Баритон?.. Ладно, готовь сопроводилку. А я тебе нашего спиртогона завтра отправлю»... Вот так, «по профилю» лагерное начальство обме-

нивало подопечных, пополняя свои шарашки физиками, химиками, конструкторами, изобретателями и концертными бригадами... Исходя из повествования Дмитрия Михайловича, в одной из шарашек пытались проектировать даже будущие машины времени. Фамилий он не называл, но сейчас известно, что подобные темы уже тогда были засекречены.

Известно, что ещё в позапрошлом веке Парижская академия наук категорически отказывалась рассматривать любые проекты вечных двигателей. Сегодня официальная наука во всём мире притерживается, вроде бы, той же точки зрения. А число идей и различных проектов перемещения физических тел в пространстве на основе вечных двигателей не убавляется. Парадокс?

«Для той науки, которая опекается государством, да – парадокс, если она отказывает в строгой, но независимой экспертизе изобретателям – одиночкам и отдельным коллективам, которые впрямую ей не подчинены», – уверен Панин.

Он рассказывал, что у них в зоне было двое таких, один физик, другой физико-химик. Лагерное начальство считало их будущими пациентами палаты № 6. А вот в четвёртом спецотделе МВД знали, чем они занимаются, и еретиками от науки их не считали, как и Королёва ранее... Сфера интересов и занятий самого Дмитрия Панина была многообразной и тоже никак не укладывалась в прокрустово ложе привычных академических изысканий. Больше физик, чем математик, он понимал, что с точки зрения философии – той философии, которая не имела ничего общего с традиционной, особенно в нашей стране в ту пору, проектирование машин времени, проникновение в загадки НЛО, в другие непознанные энергии требует совершенно иных подходов...

Те двое, из шарашки, убеждали его, что и Эйнштейн небезгрешен, что и он ошибался, когда пришёл к идентичности трёх- и четырёхмерного пространства. Пришёл... и остановился. А идентичность эта оканчивается на том, что у этих «пространств-миров» существует всего одна общая точка – НАЧАЛО КООРДИНАТ. А всё остальное после этого начала – мнимо.

Тандем этот, по Панину, был вообще ярким отрицателем некоторых постулатов науки. Он и сам считал, что со-

временная наука верна, «но всего лишь как частный случай». Вот так, ни больше, ни меньше!.. Ладно, оставим и этот постулат для будущих покорителей академической крепости...

Из объяснений Панина выходило, что оба учёных пришли к своеобразному симбиозу квантовой и классической физик, где по теории энергия движущегося тела имеет двойственную природу. При определённо созданных условиях *любое тело может стать своим зеркальным отражением, то есть перестаёт быть материальным...* И тогда, в определённой обстановке, появляется возможность как бы «обезвесить» его, иными словами – уравновесить гравитацию электромагнитным полем. А далее, чтобы *разогнать* это тело, необходимо уже минимальное количество энергии, для чего достаточно, скажем, фотонного двигателя...

Что же получается? Уже в то время подобное переставало быть фантастикой, или на грани фантастики отдельные учёные и целые коллективы сумели сделать какой-то прорыв в ещё непознанное?

Известно, что сразу же после окончания войны в СССР стала создаваться целая сеть НИИ в области ракетной техники. Вместе с нашими учёными в них трудилось и около семи тысяч немецких специалистов. Часть из них, вывезенная из поверженной фашистской Германии, под руководством одного из самых успешных ядерщиков того времени Вольфедмара Вольфа работала в пригороде Сухуми над ядерными носителями и боеголовками к ним... Как ни странно, но даже для шарашки Панина секретом это не было, в зоне знали и о том, что в начале 50-х немецким специалистам разрешили вернуться в Восточную Германию. Для производства ракет к тому времени по настоянию Королёва были выбраны проекты отечественных специалистов... Не секрет и то, что с некоторых немецких чертежей стёрли прежние надписи, заменив их на русские. Более того, некоторые узлы нового оружия (и это тоже не секрет) были рождены там, в шарашках. И Королёв знал поимённо их разработчиков...

А мы, вильнув чуть в сторону, всё же не отклонились от нашей темы. Панин уже успел произнести ранее: «*Уравновесить электромагнитным полем...*» А он электромагнитными коле-

баниями будет заниматься всю оставшуюся жизнь. Фотонные двигатели, ядерная плазма и прочие высокие материи, касающиеся оборонной или наступательной политики государства, его перестанут занимать... Десятилетием позднее один мой знакомый, физик-ядерщик из СО РАН скажет, что в ту пору «построить» мощнейший генератор постоянного электромагнитного поля было просто невозможно: именно он должен был нейтрализовать гравитацию. Именно в этом кроется вся загадка полётов НЛО...

Да, нарочно не придумашь – машина времени, НЛО, полёты в любую временную сторону и... Солженицын с его «Архипелагом»! Да ещё та шарашка, в которой в то смутное время двое учёных-теоретиков уже подсчитали: для гигантского прыжка через целый век потребуется, видимо, всего около 20 минут. А поскольку в такой машине времени ускорения не будет, то и об изменении возраста нечего беспокоиться... Короче говоря, ещё не было, но уже и не сказка!

Позднее, когда Панина не было в живых, я прочитал в одной из центральных газет, что в подмосковном НИИ в вакуумных камерах удалось добиться «*обезвешивания*» физического тела на уровне 0,4%. Это значит, что в лабораторных условиях уже создан антигравитационный двигатель, о постройке которого мечтали те двое из пресловутой шарашки... А двигатель, развивающий тягу в четыре грамма, – это уже не сказка. При такой скорости, сообщаемой этим двигателем, физическое тело становится незаметным... Смелые идеи, говорят учёные, носятся в воздухе всегда, но воплотить их в жизнь одиноким сейчас уже не под силу.

...После той встречи с Паниным прошёл немалый срок. И вдруг снова звонок от Виноградова: «Ты успел дотянуться до «Круга первого» Солженицына? Там у него Панин значится под фамилией – Сологдин».

– Нет, – говорю, – не успел добраться до этого «Круга», лежит он на рабочем столе, смотрит на меня с укором.

– Нельзя быть таким толстокожим, – хмыкнул Владимир, – не обижай хорошую книгу... И повесил трубку. Больше мы с ним не перезванивались и не встречались. Он ушёл из жизни, не дотянув самую малость до восьмидесяти.

ЭНЕРГИЯ МЫСЛИ

Кто-то из наших писателей однажды сказал, что будущее России – в движении на северо-восток. Ну то, что Россия будет прирастать Сибирью, – это мы давно усвоили и с Ломоносовым не спорим. Не каждый, правда, знает окончание этой его фразы: «...и Ледовитым океаном».

– Если говорить о шельфе – да! – возражал мне Панин. – Но нефть и газ как носители энергии – день вчерашний, углеводородов там осталось лет на сто, не более того... О других энергиях нам предстоит думать, например, об энергии мысли и воли...

С тем мы и распрощались. Дмитрий Михайлович пообещал, что как только выйдет его книга о христианской физике, – я буду одним из первых её читателей... Не выслал. Более того, вскоре Панин покинул пределы России, поселился сначала, кажется, во Франции. А книга была издана в Германии. Ему так и не удалось свидеться с академиком Казначеевым, хотя этого он пытался добиться неоднократно. Жаль!

А вот о первой книге Дмитрия Панина стоит поговорить. Заголовок у неё, скажем, неожиданный, если знать автора: «ДЕРЖАВА СОЗИДАТЕЛЕЙ». Похоже на изрядно примелькавшийся плакат недавних наших времён. А что же там, под обложкой?

Итак, мир по Панину, говоря о человеческой массе, состоит из: тружеников-созидателей (авелей) и тружеников-разрушителей, завистливых и жестоких, способных даже на массовое убийство (каинов)... А время несёт и тех и других вперёд, не всегда разбираясь, кто прав или виновен... Признаться, книжку эту я не держал в руках, в тот момент и у Панина её с собой не было... Перескакивая с одной мысли на другую, он цитировал из неё целые фрагменты. Начитанный, внимательный, он даже особый способ запоминания отточил (в шарашке не всё можно было доверять сокамерникам). В своей первой книге он помнил почти наизусть целые главы.

Вот и в этот раз, говоря о каинах и об авелях своей «Державы», он вдруг стал цитировать черновые наброски Карла Маркса к «Критике политической экономии». В них автор заявлял, что «...труд есть положительная, творческая деятельность»... А это значит (по Панину), при всей его нелюбви к Марк-

су, который считал русский народ «за падло» (лагерные словечки не столь уж и редки в его лексике), есть и антипод труда положительного...

По Панину вот таким «антитрудом» с 1917 года занимались в его отечестве властные структуры, разбудившие во всём мире апокалипсические силы. «Мы стали беззащитными перед лицом вселенского зла, – говорит Дмитрий Панин, – поэтому настала необходимость создания такого государства, в котором разрушители (каины) никогда не смогли бы прорваться к кормилу власти».

С этим, конечно, трудно не согласиться. Но где гарантии того, что каины не смогут посягнуть на творчество и свободу авелей, тем более что антиподы уживаются иногда в одном сердце?... Нет, я не спорил с Паниным, главным было – слушать, впитывать в себя подобно губке, чтобы потом ещё и ещё раз возвращаться к услышанному прежде, чем выносить свой вердикт. Да и не нужен был он! Помнится, один из наших известнейших российских социологов Питирим Сорокин мечтал в прошлом веке о том времени, когда в России правительство политиков уступит своё место правительству учёных, святых и поэтов... Что ж, мечтать не запретишь.

Между прочим, сам Панин, говоря о своей первой книге, избыточным оптимизмом, по-моему, не страдал, отмечая со вздохом, что «скорее всего, наша баржа пойдёт ко дну»...

В этой связи мне вспоминается Тейяр де Шарден, галльский палеоантрополог и теофилософ, который в своей посмертной книге «ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА», рисуя грандиозную картину эволюции живой материи, как и наш Панин, заканчивал своё повествование на трагической ноте: «...под давлением всплеск мысли и сознания... происходит *переворот равновесия*», а это значит, что «*конец света неизбежен*».

О неизбежности этого пока умолчим. А вот какое «равновесие» имел в виду француз? Именно в этом труде он заявлял о тончайшем культурном слое, который отделяет в Европе «пристойно вежливого гражданина от зверя», спящего в этой же особи, «алчущего удовлетворить свои амбиции».

Нет, ничем не отличаются *каины* Дмитрия Панина от *зверей* теофилософа. Ни в Европе, ни в нашем отечестве

гарантированный культурный слой пока не создан... А это значит, что человеческий материал должен каждый раз заново доказывать свою так называемую порядочность, свою «несолидарность» с кайнами, с их энергией распада. И это значит, что человечеству вновь и вновь приходится вкатывать к вершине горы тяжёлый камень своей многоликой культуры. Но такой «сизифов труд», говорит Панин, не может продолжаться вечно...

Тогда что, остаётся ждать – кто кого? Авели – Кайнов, или наоборот?... Лично я не столь уж такой лихой, безоговорочный оптимист и понимаю, что все мы движемся по сужающемуся с годами перешейку, пытаюсь решить глобальные вопросы нашего бытия. На этом узком пути встречаются и трещины... Вот только проходят они, увы, не через каждое человеческое сердце...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАУКЕ НЕБА, ИЛИ ХРИСТИАНСКАЯ ФИЗИКА ПАНИНА

Да, это главная книга Дмитрия Михайловича Панина. Многие из неё прежде, чем попасть в печать, вынашивались в часы лагерных раздумий, затверживалось практически наизусть. Называется она – «ТЕОРИЯ ГУСТОТ». Здесь он, не обинуясь, прямо заявляет, что «одурь материализма» обожгла не одну человеческую душу. И далее: «*Метафизичность некоторых процессов, недоступных лабораторному анализу, попятное движение мысли, отрицание необъяснённого, парапсихологические явления – всё это в России серьёзно не рассматривается, поэтому наука здесь переживает продолжительный, тяжёлый кризис...*»

Итак, отрицание необъяснённого, но и необъяснимого?... И как быть со свидетельствами великих людей во всех временных срезах минувшего о добрых гениях, или видениях, которые приходили к ним, помогали в трудную минуту, руководили их мыслями и поступками?

...Вот к Гомеру «в неземном свете» является женское видение с лирой в руке, и он, слепой, зрит её, называет музой и под её напевы пишет свою «ИЛЛИАДУ»...

Вот приходит к Данте из прошлого Вергилий и приводит того по всем кругам ада... К Николаю Рериху подсел в Лондоне на скамейку в сквере чернородый, как он пишет, «Учитель» и

подсказывает ему ритмы будущей книги в стихах «Цветы Мории»...

К Александру Блоку спускается с небес «луч фиолетовый и золотой», вселяющий в него «необъяснимые чувства», он долго тревожит поэта, и однажды в свете этого сверкающего луча появляется «прекрасная Дама в усыпанном звёздами шлейфе...»

А в тюрьму к Даниилу Андрееву, в которой сидел, кстати, и Панин, пришёл из недавнего прошлого сам Блок и разъяснил тому основные идеи задуманной Андреевым книги «Роза мира»...

Велимир Хлебников вдруг увидел перед собой прозрачное существо с лицом ребёнка, назвавшееся именем Ка. И этот Ка, будучи провидцем, нашептал поэту тайны из будущего... Вестница из будущего в виде фосфорической женщины прикатила к Маяковскому, выйдя из машины времени...

Ладно, пусть кто-то, как Фома-неверующий, поставит под сомнение все эти видения, назовёт их болезненными галлюцинациями или ещё как-то... Но вот ещё один персонаж: Достоевский. Он клялся, что однажды был унесён вдруг неведомым существом на далёкую звезду, которая оказалась копией земли, но такой прекрасной, что и во снах не придумаешь. Достоевский назвал своё пребывание на этой звезде – «СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА», а в примечании отметил, что не сон это и не фантастика, а вполне реальное событие, которое с ним произошло на самом деле...

Разумеется, никто не относился серьёзно (мы ведь все реалисты до мозга костей!) к подобным свидетельствам, от кого бы они ни исходили, в том числе и от Блока, который писал, что устал уже «объяснять непосвящённым произошедшее с ним... Это не символы и не видения, а реальность» – утверждал он в своём дневнике и в письмах...

В результате на поэтическом Олимпе отнеслись с пониманием к таким словам Блока, и он попал в разряд *символистов*.

Ладно, у меня лично «одурь материализма» до сих пор ещё не совсем прошла. Но вот как объяснить один случай, произошедший со мной на Белом озере в Ульяновской области много лет назад? Не знаю, как сейчас, а в ту пору озеро представляло собой овал длиной с километр. Я приехал туда отдохнуть

на недельку после окончания военного училища. Довольно хорошо подготовленный к экстремальным ситуациям, я с кем-то поспорил, что переплыву озеро в любую погоду. А она в тот день не благоприятствовала задуманному: порывистый ветер гонял по воде пенные барашки волн и накрапывал дождь... На противоположном берегу меня уже ждали с бутылкой коньяка и огромным арбузом... И я вошёл в воду.

Ветер, начиная с середины, всё сильнее гнал встречную волну. Надо заметить, что ритмы волн в стоячей воде трудно уловить, в отличие от морских. Короче говоря, плылось мне трудно, я всё чаще стал переворачиваться на спину, чтоб отдохнуть, но ветер тут же захлёстывал водой лицо, мешал он плыть и на боку, бросая воду при вдохе в рот. В конце концов пришлось перейти на брассовые движения рук, но не высовываясь толчками из воды, чтобы экономить силы, которых оставалось всё меньше. Их даже не было уже на то, чтобы поднять голову и взглянуть – далеко ли до берега... И тут вдруг я услышал звенящие детские голоса: «Опусти ноги, здесь мелко!»... Они, эти голоса, были такими звонкими, что я почувствовал боль в ушных раковинах. И я стал медленно опускать ноги, подсознательно чувствуя, что если не достану дна, то – всё, конец мне!.. Ещё одно осторожное движение – и вот оно, спасительное дно – мель в каких-то ста метрах от берега. Приплясывая на месте от порывов ветра и волн, отдохнув, я закончил свой «марафон». А на другой день, при стихшем ветре, сколько я ни искал с лодки эту спасительную мель, так и не нашёл её... Мистика? Да как угодно назовите случившееся, но ведь – было!

Не так уж и случайно поэты, писатели (а среди них отмечались и ясновидцы) отделяли свои фантазии от того, что с ними произошло реально. Те же Данте, Блок и Достоевский настаивали, что открывшееся им – не результат какой-то надуманности, больного воображения, они на самом деле видели другую жизнь и поняли, что там эта жизнь – вечна!

Что ж, религия это утверждала всегда. А наука только ещё, похоже, собирается сделать...

Наш мир (по Дмитрию Панину) «состоит из сгущения трансфизических и физических частиц». Первые – невиди-

мы, но их роль для человека имеет важное значение: именно душа представляет собой *сгущение трансфизических частиц*, занимающих пространство «между корой головного мозга и сердцем. А дух человека – «Я» – помещён в сердце. Об этом свидетельствуют люди святой жизни, которым удалось достичь высоких состояний созерцания...»

В данном случае, о котором говорит автор, состояние это, видимо, и есть *нирвана*. Что ж, продолжим! По Панину «силы физического мира не в состоянии уничтожить душу человека», разложить её на какие-то составляющие части, переформировать её. Если в момент смерти (имеется в виду – телесной) степень сгущения трансфизических частиц становится меньше нижнего порога, то душа попадает в разреженные трансфизические слои (сиречь – адские). А достижение душой верхнего порога обеспечивает ей пребывание, так сказать, в райских кущах. Слои же между двумя этими порогами и есть чистилище... Словом, всё как у Данте за исключением символических трансфизических частиц... Но не будем ёрничать! Как сказал Еремей Парнов (известный российский фантаст и не менее серьёзный историк): «Всё тонет в безвременье вечного теперь, вытекая из мифа и возвращаясь в него...»

Но воевать с мифами – дело хлопотное, на этот счёт находятся достойные оппоненты. «О малом, незначительном человечество не слагает мифов и легенд, – заявлял Николай Рерих, – в каждом из нас глубоко сидит вещая память подсознательной жизни. Мы – звенья в кармической цепи наших превращений»...

Но вернёмся к Дмитрию Панину и читаем дальше: «Земля окутана невидимой оболочкой излучения человеческих душ, они образуют вихри и круги мировой памяти в космических пространствах. Академик Вернадский и теолог-дарвинист Тейяр де Шарден называли этот слой *ноосферой* (сферой разума)».

Отметим лишь, что в понятие сферы разума (и не только по Вернадскому) входит всё живое – вплоть до известного определения «мыслящий тростник», и в этой сфере участвуют и растения, реагирующие не только на голос, но и на мысли о них, если они находятся рядом с излучателем этих мыслей...

Что же говорить тогда об этой невидимой ноосфере, которая (получается так) спроецирована в единую точку нашей души? Выходит, всё что мы чувствуем, мыслим, предсказываем, творим «не исчезает и после телесной смерти, сохраняется в ноосфере»...

Как пишет Панин, до последнего времени было не совсем ясно, где именно, кроме мозга и сердца, могут храниться записи наших мыслей и чувств, но недавно выяснилось, что идеальным вместилищем для ноосферы может быть *всепроницающий мировой вакуум*... Физический вакуум тоже не пуст: он наполнен разного рода необъяснимыми пока частицами, которые физики-теоретики условно назвали виртуальными... Сам же вакуум состоит непосредственно из ячеек мировой пустоты (или нирваны, как говорит об этом Панин, повторяя определение буддистов).

Что характерно, в этом вакууме не существует законов энтропии (пребывания системы в стоянии равновесия), нет запрета на обратное движение времени. Короче говоря, это мир не земной, а небесный – ВЕЧНЫЙ... Здесь любая информация мгновенно передаётся из одного конца Вселенной к другому (если эти концы вообще существуют)...

Есть некоторые предчувствия, что в этом описании (не погрешить бы!) не очень-то далеко остаётся и до царствия Божия, т. е. до царствия Небесного, если вспомнить Евангелие, в котором говорится, что это царствие незримо присутствует во всём, значит, и внутри нас... Такова же природа, уверен Панин, и физического вакуума, который пронизывает всё мироздание. При этом он незрим и неуловим. Одна ячейка мирового вакуума – маленькая, неуловимая – вмещает в себя все бесконечные миры...

Это же, по сути, утверждал и Циолковский в своём труде «Воля вселенной»... Недавно прочитав эту книгу, я лишний раз убедился, как мы ленивы и нелюбопытны, умудряясь искать в институтских библиотеках прежде всего то, что написано об искомом персонаже, то есть – заранее составляем шпаргалку, не читая подлинника... И вот теперь, изрядно припоздавшись, приходится вникать в откровения самого Циолковского:

«...каждый атом Вселенной беско-

нечно блажен. Он наделён практически вечной жизнью и обладает памятью о своём пребывании в живом веществе... Ни один атом Вселенной не избегнет ощущений высшей разумной жизни. Смерть есть одна из иллюзий слабого человеческого разума. Её нет, потому что существование атома в неорганической материи не отмечается памятью... Множество же существований атома в органической форме сливается в одну субъективно непрерывную и счастливую жизнь. Вселенная так устроена, что не только она сама бессмертна, но бессмертны и её части в виде живых блаженных существ. Нет начала и конца Вселенной, нет начала и конца также жизни и её блаженству...»

Понятно, что всерьёз эти утверждения Циолковского светилками нашей советской науки вряд ли воспринимались однозначно, да и время было не то... Но сегодня ситуация меняется. Скажем, по Панину те же первоатомы Вселенной, хранящие память о вечной жизни, сегодня получили название – *МЭОНЫ*.

Дмитрий Михайлович Панин, православный христианин, инженер и учёный, ещё там, в заключении, в сибирской шарашке, пришёл к выводам, подтверждающим древние свидетельства многих религий о пронзающем свете человеческой мысли... В православном мистическом опыте говорится, например, о «теплоте сердечной», которая возгоревшись во время умной молитвы в сердце «вместе с дыханием, наполненным именем Христа», проходя через горло и от сердца к мозгу, а от мозга снова к сердцу, излучается во внешний мир в виде всепроникающего света.

Он знал об опытах сибирского академика Влаиля Казначеева по передаче мысли на большие расстояния, следил за тем, как одновременно, в одночасье проводились эти опыты в Воронеже и в Новосибирске. Поэтому он и искал встречи с Казначеевым... Наверное, им было о чём рассказать друг другу, поделиться наболевшим. Но... не случилось!

Опыты Казначеева открыли для нас, по большому счёту, неизвестную форму жизни в виде излучений, исходящих от человека и множества живых существ, в том числе и растений. Далеко не все из этих излучений можно зафик-

сировать современными приборами... Панин был уверен, что при наличии у человека (пусть небольших) телепатических способностей и определённого волевого напора передаваемый сигнал обязательно трансформируется в луч, направляемый к другому человеку даже на большие расстояния. Эти невидимые лучи *связывают нас со всей Вселенной и с другими живыми существами.*

Панин заверял нас: «...когда человеческая душа тускнеет, обладатель её перестаёт светиться внутренним светом, ему начинает казаться, что вокруг него только враги, появляется стремление к замкнутости, к апатии, даже – к самоизоляции целых народов... С нами, русскими, это случилось в 1917 году...»

Надо отметить, что вторил Панину в своих дневниковых записях, переложённых в стихи, и Николай Рерих:

«А взять Россию, как ведь налита
Была её державная могучесть!
И какова ж её постигла участь,
Отвергнувшую Церковь и Христа?...»

Строение души по Панину выглядит просто. Представим опрокинутый вниз конус. Вверху, в широкой его части, находится мозг, там же начинается оболочка (мембрана) волевой густоты, основная часть которой расположена в мозжечке. Далее по затылочному и шейному каналам она спускается вниз к главной густоте, проходит через горло и устремляется к сердцу, наделяя его густотой свойств, то есть особой чувствительностью... Что ж, повторимся вслед за Паниным: Царствие Божие – внутри нас.

Оговорюсь сразу же: лично мне никогда не нравились схемы, касающиеся чего-то одушевлённого. Вот и у Панина всё это отдалённо смахивает на древнюю египетскую астрономию, по крайней мере в символах. Там солнце сопряжено со лбом, луна – с мозгом, Меркурий руководит языком и гортанью, а такое созвездие, как Овен, связано с головой и шеей... Рациональными схемами здесь, конечно, и не пахнет. Мистическое и реальное замыкает на себе

и микро-, и макрокосм. К тому же мистическое именно здесь, не имея никаких опор, в отличие от Панина, повисает в пустоте.

Скажем так, лёгкая зыбь науки пока ещё не способна всколыхнуть океанскую толщу верований и сопряжённых с ними тысячелетних наблюдений «ближнего космоса». И всё же, ничто не проходит бесследно, даже мысли, вброшенные в слово. Великое Неведомое, откликнувшись на звук, тут же настраивается на волну нашей мысли. Ему, Неведомому, не нужен сурдоперевод.

Назвав свою книгу «ТЕОРИЯ ГУСТОТ», Андрей Панин в конце её по существу приоткрывает главную тайну: он имел в виду сгущение мирового физического вакуума, из которого возникает всё. Во Вселенной такая густота – Творец, создавший по своему замыслу исходное сгущение, которое определило миры и их дальнейшее развитие...

Рано, наверное, ещё думать, что воздействие подобных густот на всё живое и на нас самих, имея в виду не только физическое, но и духовное и (не будем отмахиваться!) социальное бытие как основополагающую аксиому, приобрело всеобщее признание. И не будем забывать о том, что всё сказанное Паниным произнесено вслед за Чижевским и Казначеевым. Не стоит говорить, что и у того и другого в науке до сих пор не перевелись оппоненты, пусть даже в частностях.

А великая электромагнитная жизнь Вселенной продолжается! Эта жизнь имеет свой цвет, свои лучи, свои периоды и свои ритмы. Науке будущего решать, где и как, из какого Неведомого исходит всё это... Пока же традиционная наука не делает больших скачков, за исключением, может быть, прикладных её отраслей. Между тем тонкий перешеек между жизнью и смертью нашей планеты неумолимо сужается... Неужели когда-нибудь нам придётся воскликнуть с сожалением подобно Афанасию Фету: «Что жизнь и смерть!.. А жаль того огня, / Что просиял над целым мирозданием – / И в ночь идёт!.. И плачет, уходя...»